АННА ВЕРЕСОВА
Рассказ
СТЫДНЫЕ ЖЕНЩИНЫ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
2025

Анна Вересова
Стыдные женщины

https://litres.ru/73987761
SelfPub; 2026

Аннотация

Когда мы становимся живыми? В момент зачатия, рождения, умирания?

Какой след оставляем и как передаем родовые сценарии.

Героиня рассказа попадает в аварию и видит значимые события жизни, погружаясь в небытие. Но единственный вопрос, который ее волнует в этот момент: смогла ли она дать новую жизнь?

Рассказ на 12 страниц

Содержание

Туман 4
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Анна Вересова
Стыдные женщины

Туман

Дорога укрыта туманом, из него навстречу выскакивают белые тире разметки и редкие фары встречных машин. Дорога бежит, бежит, бежит, и вдруг вываливается в пропасть. Я замираю в невесомости, сверкающая крошка пролетает сквозь мое лицо, удар, я слышу свой выдох, тишина.

Я лежу на асфальте, то тут, то там. Желтый пушистый свитер связывает тело и руки. Мои нейроны затихают. Остатки изображений разложены на разноцветные нити, которые колышутся водорослями в безвоздушном пространстве. Я хочу почувствовать страх – я помню что так нужно, но мое сознание поражено покорностью: “так тому и быть” – первая мысль, “наконец-то” – вторая.

На автостраде, где я только что разбилась, колоском расступаются машины перед желтым телом скорой помощи. Мне кажется, что мне кажется, что моя рука – правая – сжимает телефон, в котором открыто белое окошко сообщений, я хочу разобрать текст, но вижу только синий прямоугольник с несколькими серыми линиями. Я смотрю изо всех сил, но экран затухает.

***

И звуки вокруг меня тоже стихают: сирена скорой слышится так, будто я зажала ухо подушкой, а вторым прижалась к матрасу, потому что за стенкой ругаются бабушка и мать. Я не слышу, что они говорят, но в голове бегут субтитры: Да что ж ты за дура такая – Ненавижу тебя, ненавижу – Будь моя воля, пришибла бы! Прабабушка лежит на кровати напротив, и тоже делает вид, что спит.

С утром мы выходим в туалет – зеленый теремок с покатой крышей и черной дырой нужника. Разбухшая от влаги деревянная дорожка бежит к нему между зарослей нагло-красных помидоров, это буйство красок противоречит идее сине-бело-желтого Севера. Любое добавление цвета в якутскую действительность выглядит как бунт. Мы смогли оплодотворить эту пустую землю. И я тоже пробралась в мир как красный помидор.

Обычно по утрам на веранде бабушка разворачивает крепко спеленутую в клетчатое одеяльце кастрюлю с опарой, ненадолго оставляет тесто дышать, тогда его пышная бежевая плоть вылезает из-под крышки и пахнет молочным теплом. Сегодня тесто осело, я заглядываю в кастрюлю: оно лежит на дне, его растянутые к стенкам лапы напоминают ягель. Бабушка вздыхает: “Перегуляло”, закрывает крышку и убирает кастрюлю под стол, это значит у теста будет второй шанс. Вся веранда заставлена трехлитровыми банками, как будто у нее простуда. Скоро мы будем солить помидоры, а

в понедельник нарежем петуний и поедем в школу. Мы так делаем уже седьмой раз.

Я иду в туалет, мать сидит тут же, на лавке, на вид мокрая и осевшая, как тесто. Бабушка кричит с крыльца в помидорные заросли, такие высокие что в них меня почти не видно: “Настя! Потом выпей молоко, я оставила на столе!” Мать поднимает на меня глаза, хмыкает, щелкает языком, сплевывает.

***

Путь мой стелется от остановки “девятки” у гаражей с рынком, по доскам, перекинутым через лужи фекалий семнадцатого квартала, к оббитому морозами двухэтажному зданию. Светка стоит у входа в ПТУ в лакированной юбке опасной длины: сегодня на площади Ленина митинг в поддержку Ельцина, будет дискотека. У Светки есть лохматый бард, а по совместительству осветитель в русском драмтеатре. Он встречает нас у площади, распахнутый как крест, загребает подмышки с обеих сторон, и мы, дискомфортно обнявшись, пробираемся поближе к сцене.

Летними ночами в Якутске полусветло, и в этом свете серая площадь со вспученными вечной мерзлотой горбами асфальта, становится синей, и даже громадина Ленина, воздвигнутая на мерцающем красном граните, перекрашивается в блестящий чернильный цвет.

Этой светлой ночью мы танцуем, бард берет меня за талию, потом опускает руку ниже и крепко сжимает ягодицу,

меня парализует. “На, выпей” – Светка протягивает мне прозрачную бутылку, я делаю глоток и жидкость раздирает горло, “Пей, пей”, она хохочет.

Мне становится тепло, все мелькает: зубы барда, юбка Светки, черные спины, портрет Ельцина, острое дыхание, мои соски, нос в грудь, чувствую боль, но терплю, Светка говорила будет хорошо. Меня рвет.

“Фу, блядь, дура. Сама убирать будешь”. Внизу возникает холодная липкая пустота.

***

“Тужься, тужься” – я раскинута бабочкой на гинекологическом кресле, уже сутки как перестала реагировать на боль.

Раз в минуту меня расплющивает бесконечной коликой на кушетке, застеленной шершавой клеенкой, я хочу в туалет, но точно не хочу в туалет – уже пробовала. Приходят сестры и говорят “Кричи, кричи, зачем ты терпишь? Моя ты ласточка”, но мне стыдно кричать, стыдно обнаружить себя здесь с этим огромным животом, стыдно существовать. Так что я скрываюсь в своей немости и немощи. Рядом со мной рожает женщина лет сорока, она визжит гиеной, а промежутках читает какую-то молитву. Когда она смолкает, мы слушаем мучительную перекличку рожениц перемешанную с первыми криками младенцев. Спасите наши души. Меня переводят в родовую, выстеленную золотым мартовским светом, я тужусь, тужусь и теряю сознание.

***

Якутские зимние туманы похожи на молоко: если вытянуть руку, то почти не видишь край рукавицы. Так что всегда нужно точно знать где находишься. Иначе холод убаюкает, заберет дыхание и спрячет под кружевом инея. Их называют подснежники: тела размороженные весной.

За прудом, у остановки "семерки" на Сергеляхе, по пути к птицефабрике, есть холм, который раньше всех покрывается хилыми ростками жизни: из-под посеревших сугробов проступают скелеты шиповника с красными искрами замороженных ягод. На обнажившихся участках мха растут нежные еле-желтые цветы на мясистом стебле, покрытом пушком. Это северный подснежник – сон-трава, застилающая якутские поля с первым теплом. Если ее сорвать, она погружается в сон. Если лечь около нее – в сон погружаешься ты.

Он лежит на боку, подогнув ноги к груди и обняв себя за плечи. Волосы торчат редкими лепестками. Мокрая ондатровая шапка откинута в сторону. На лице синие пятна, продолжающие узор не до конца стаявшего снега, правая щека и черная дыра беззубого рта вросли в ледяную почву. Я жду что он пошевелится.

– Девочка, отойди, – поворачиваюсь и вижу мужчину, за ним дорога по которой побитая оранжевая "семерка" отползает от остановки "Лагерь "Труд".

Мужчина присаживается на корточки, и через плечо говорит мне:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.